

НАТАЛЬЯ ГУТМАН:

Меня радует, что камерная музыка сейчас востребована

Кучубура - 2002 - 5-11 дек. - с. 10

В минувшее воскресенье в консерватории завершился фестиваль "Посвящение Олегу Кагану", инициатором и руководителем которого выступает вдова скрипача, виолончелистка Наталья ГУТМАН. Наш корреспондент побеседовал с ней о камерной музыке на фестивале и о камерной музыке вообще.

— Фестиваль "Посвящение Олегу Кагану" имеет, вероятно, очень длинную предысторию, своего рода генеалогию: ваши контакты с Рихтером, фестиваль в Кройте, "Декабрьские вечера" и фестиваль в Кухмо. Сколь продолжительна ваша жизнь в камерной музыке?

— Собственно, увлечение камерной музыкой сопутствовало всей моей жизни, едва ли не со школьных лет. Познакомившись с Олегом, уже на первой репетиции я поняла, что играть с таким партнером — это не просто банальная "читка с листа". Границы твоего кругозора, твои возможности как музыканта расширяются настолько, что это трудно себе представить. У нас было такое единомыслие в музыке, что мы могли обходиться без слов. Я обожала те моменты, когда он мне делал какие-то замечания, а он, в свою очередь, был поразительно внимателен к моей игре — я всегда чувствовала ответную реакцию на то, что я делаю. Получалось, что нам почти не надо было разговаривать.

Невероятно важную роль в моей жизни сыграл и Рихтер. Он стал для меня, по сути, той наивысшей точкой, олицетворяющей для меня служение музыке. Я жила и продолжаю жить его искусством, "подпитываюсь" им. И вспоминая о нем, я жалею нынешнее молодое поколение музыкантов, которые не знают этого чуда — присутствия на концерте маэстро. Описать словами тот мощнейший магнетизм, который шел от его игры, невозможно. Камерная же музыка, которую мы исполняли с Рихтером, — отдельная история. Первое, что мы играли вместе — Рихтер, Олег и я, было трио Франка: абсолютно неизвестное в России, очень большое и изурительное. Надо сказать, мы с Олегом позже прониклись этой музыкой, будучи потрясенными той титанической работой над текстом, которую вел Рихтер. Тогда мы очень много репетировали, и начало нашего творческого контакта с Рихтером получилось довольно-таки основательным.

— К слову о репетициях, камерная музыка для вас на данном этапе — это тяжкий репетиционный процесс или все же более спонтанное музицирование?

— Конечно, сейчас я вынуждена существовать в так называемом фестивальном стиле: он предполагает встречу в условном месте и быстрое "сыгрывание". Но это не то, что я сильно люблю. Мне вспоминается история знакомства Кагана с Рихтером. Маэстро впервые услышал Олега в Лондоне, где тот исполнял концерт Сибелиуса: придя к нему за ку-

Н. Гутман

лисы, Рихтер сказал: "Ваше исполнение выше музыки". И год спустя последовало приглашение сыграть вместе камерный концерт Берга. Решено было привлечь к исполнению оркестр консерваторских студентов под управлением Юрия Николаевского — и мы провели ровно сто репетиций. Ни больше ни меньше — сто. Рихтер потому и привлек студентов, что ему хотелось сделать это произведение по-настоящему, исполнить на концерте, а затем и записать. Позже мы собирали камерный оркестр — тоже студенческий — для концертов Баха. Олег был концертмейстер скрипок, Юра Башмет — альтов, я — виолончелей...

— В том, что Рихтер собирал вокруг себя молодых музыкантов и вы ныне приглашаете на свой фестиваль наряду с мастерами молодежь, видится некая преемственность. Это так?

— Я действительно люблю привлекать в круг исполнителей тех молодых музыкантов, которые любят камерную музыку. Хотя, конечно, многое из того, что звучит на фестивале, уже было сыграно — это не тот фестивальный стиль, о котором я говорила, и который, как в Кухмо, в Финляндии, может быть замечательным. Представьте себе, весь маленький поселок в течение фестиваля буквально живет камерной музыкой! Там проходит по пять-шесть концертов в день: то и дело видишь, как на велосипедах носятся с концерта на концерт музыканты с футлярами. Все организовано блестяще, полная демократичность между исполнителями...

— Вам хотелось бы такой атмосферы в Москве?

— Да, безусловно, хотя здесь, конечно, все по-другому. Даже в таком небольшом городе, как Кройт, уже абсолютно другой стиль — более чинный, размеренный, если хотите, консервативный. Там очень спокойная атмосфера, публика, в основном, пожилая, что, конечно, накладывает

свой отпечаток. Меня радует, что камерная музыка сейчас востребована. Ее играют на всех без исключения фестивалях, и даже сольный жанр, как мне кажется, переживает сейчас по сравнению с камерной некоторый упадок.

— На ваш взгляд, насколько публика в Москве, городе очень суетном и шумном, испытывает голод по камерной музыке — искусству все-таки достаточно элитарному?

— Вы знаете, когда мы проводили первый фестиваль, я была абсолютно поражена тем, что на каждом концерте залы были полны и более того, огромный процент публики составляла (и составляет) молодежь. Это сильный контраст по сравнению с Кройтом. Мне казалось, что это очень хорошо, ведь мы должны привлекать к камерной музыке новое поколение. Сейчас, когда, как ни парадоксально, многие уже не знают, кто был Олег Каган, но, видя, что на фестиваль его памяти стекаются со всего мира хорошие музыканты и публика, они получают шанс узнать о нем. Тогда мы играли концерты в экстремальных условиях — Юра Башмет и Витя Третьяков прилетали буквально на один день, все происходило очень стремительно, и эти буквально ошалевшие лица молодых ребят в зале, наблюдавших за тем, как это происходит, — вероятно, одно из моих самых сильных впечатлений на тот момент.

— Странная закономерность: камерная музыка обычно ассоциируется с чем-то очень серьезным, степенным, а ведь в ее основе лежит студенческий энтузиазм. Выходит, академичность этого жанра — предрассудок?

— Безусловно.

Беседу вел
Михаил
ФИХТЕНГОЛЬЦ
Фото
Степана РАПЧЕВСКОГО